

Батальон
мужества

**АЛЕКСАНДР
★
ТАМОНЦОВ**

Форсаж воли

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

*Ранее роман выходил под названием
«Один против своры»*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Форсаж воли / Александр Тамоников. —
Москва : Издательство «Э», 2015. — 352 с. —
(Батальон мужества).

ISBN 978-5-699-83092-3

Эту женщину нужно беречь. Она — важный свидетель по делу криминального бизнесмена Витинского. Ясно, что подручные крутого босса сделают все возможное и невозможное, чтобы заставить ее замолчать. Желательно навсегда. Но и секретный агент ФСБ майор Сургин не будет сидеть сложа руки. Его задача — сохранить свидетельницу. Стопроцентная секретность, стопроцентная свобода действий, стопроцентный риск. Майору к этому не привыкать, он — волк-одиночка и умеет «работать» один против целой своры головорезов...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-699-83092-3

© Тамоников А., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Пролог

Майор спецназа Андрей Москвитин, захвативший в особняке своего непосредственного начальника генерала Оболенского, а также его подельников по продаже вооружения чеченским боевикам, генерала ВВС Остапова и чиновника Большакова из ведомства, официально торгующего оружием, ждал сообщения из Чечни, держа под прицелом высокопоставленных предателей. Наконец раздался вызов по спутниковому аппарату. Офицер особого применения, кем являлся в спецслужбе Москвитин, ответил:

— Москиг на связи!

— Я — Первый! Груз перехвачен, банда в подавляющем большинстве уничтожена, Джура и Батыр взяты в плен. Об акции я доложил Куратору. Сейчас он в курсе всех дел. Доверься ему, Андрей, он поможет!

— Спасибо! Один вопрос — отряд «Гарпун» понес потери?

— Несколько раненых! Об убитых докладов мне на данный момент не поступало. Надеюсь, они и не поступят!

— Это хорошо! Ну, все! Прощай, полковник!

— Я бы предпочел другую фразу — до свиданья!

— Я бы тоже!

Москвитин выключил аппарат и бросил его в одно из кресел возле журнального столика. Оглядел «заложников»:

— Ну, что ж, господа предатели, как говорится, финиш ля комедия! Тушите свет, сливайте масло! Груз перехвачен, банда уничтожена, Джура с Батыром пленены. А ты, Оболенский, можешь гордиться «Гарпуном». Отряд провел операцию без серьезных потерь! И это в условиях прямого боя в горах! Так что можешь гордиться. Вот только сами бойцы спецназа не захотят даже вспоминать о тебе! Уж я знаю этих ребят! А вот наконец и гости к нам пожаловали, — проговорил Андрей, через окно контролировавший подъезд к особняку. — И судя по всему, это сам Куратор — генерал-лейтенант Потапов! Но скоро это уточним. С нами должны выйти на связь. Вернее, со мной, вы-то теперь вне игры!

Он оказался прав. Звонок генерала Потапова прозвучал через считанные секунды. Андрей включил мобильник, представился:

— Майор Москвитин!

Представился и Куратор спецслужбы:

— Генерал-лейтенант Потапов!

— Очень приятно, генерал, слушаю вас!

— Андрей Григорьевич! Я совсем недавно имел беседу с командиром отряда «Гарпун» полковником Карцевым. Он доложил мне все, связанное с поставкой вооружения моджахедам, организованной некоторыми нашими государственными чиновниками, и о том, какую роль в пресечении этой сделки сыграли вы. Я хотел бы выразить вам благодарность за проделанную работу!

Андрей усмехнулся:

— Даже так? Может, еще и орденом наградите? А то и к Герою представите?

— К сожалению, это невозможно, но разговор сейчас о другом. Вы захватили лиц, которых небезосновательно подозреваете в сотрудничестве с террористами. Профессионалы вашего уровня ничего не делают спонтанно, они просчитывают каждый свой шаг. Поэтому я хотел бы узнать: что вы намереваетесь делать дальше?

Ответ Москвитина был прост и краток:

— Судить этих подонков, генерал!

— Андрей Григорьевич, не делайте глупость! Я понимаю ваше состояние и желание разделаться с теми, кто подставил вас! Но вы не прокурор и не судья, даже не следователь. Поэтому предлагаю сдать господ Оболенского, Остапова и Большакова мне, а я обещаю, что в отношении них будет проведено самое тщательное расследование. Также я гарантирую, что в отношении вас всякое преследование, я имею в виду уголовное, прекратится. Этот вопрос с Генеральной прокуратурой уже согласован!

— Быстро же вы все согласуете, господин генерал. И предложение ваше заманчиво, слов нет, однако существует одно «но», не позволяющее мне принять его.

Потапов спросил:

— В чем заключается это «но»?

— В том, Николай Викторович, что я не верю вам! Не лично генералу Потапову, а всей системе, сложившейся в государстве за годы так называемого реформирования! Я не верю в то, что захваченные мной высокопоставленные оборотни понесут заслуженное наказание. Наказание за тысячи загубленных жизней неповинных людей! Я не верю в то, что наша коррумпированная и прогнившая власть в полной мере и по справедливости расценит преступления подонков Оболенского, Остапова и Большакова! И вынесет в отношении них приговор совести! Этого не будет, генерал! И знаете, почему? Да потому, что в этом уверены мои заложники, назовем мерзавцев так! Они, уже понимая, что их деятельность раскрыта, предлагали мне два миллиона долларов и выезд в любую точку мира, лишь бы я отпустил их. О чем это говорит? О том, что господа предатели весьма реально рассчитывают отмазаться, говоря простым языком. Для этого у них есть все — связи, деньги и, главное, отсутствие прямых документальных доказательств причастности к пособни-

честву террористам. И ничего вы, Николай Викторович, с этим не поделаете! Скорее сожрут вас с полковником Карцевым, чем тронут волосок с оборотней! Или вы по-прежнему считаете, что я заблуждаюсь и говорю глупость?

Куратор службы ненадолго задумался, затем тихо произнес:

— Возможно, ты и прав, майор, хотя я придерживаюсь иного мнения. Но вижу, что переубедить тебя не удастся! Спрошу одно: ты понимаешь, КАКУЮ команду я должен отдать штурмовой группе спецназа, что уже окружила здание?

Андрей ответил спокойно:

— Естественно! Вы прикажете атаковать особняк! Вот только это вам ничего не даст! Совершенно ничего, ну разве что строчку в отчете о том, что вы пытались освободить заложников! Мой вам совет, поберегите своих людей. Я не хотел бы, чтобы из-за каких-то тварей погибли стоящие парни. Они вам еще пригодятся в других акциях!

— Что ты собираешься делать, майор?

— Я уже ответил на этот вопрос.

— Но ты же сам погибнешь?!

Москвитин проигнорировал последнюю реплику генерал-лейтенанта ФСБ Потапова, сказав:

— Хватит разговоров, Николай Викторович! Ровно через пять минут наберите городской номер Оболенского. А до этого не посылайте на смерть своих бойцов! Не надо!

— Подожди, Моски, не торопись, у меня есть к тебе предложение!

— Я уже достаточно слушал вас!

— Послушай еще! Это необычное предложение, я предлагаю тебе следующее...

Майор внимательно выслушал Куратора. Да, то, что

тот предложил, было необычно и неожиданно. Москвитин задумался, затем спросил:

— Где гарантии того, что вы не обманете?

— Здравый смысл — гарантии! Умереть, свершив суд, ты всегда успеешь!

Андрей принял решение:

— Хорошо, будь по-вашему! Звоните через пять минут. И сделайте так, чтобы все, что я скажу, слышало ваше окружение!

Потапов заверил:

— Я сделал бы это и без твоего напоминания!

— До связи!

Москвитин отключил трубку. Обвел взглядом сидевших за столом бледных Оболенского, Остапова, Большакова.

— Ну что, господа предатели? Пришел час расплаты?

Большаков, сумевший взять себя в руки, вдруг заворчал:

— Майор! Я слышал часть твоего разговора с Потаповым! Тебе же дали понять, что выведут из-под удара. Мы же предстанем перед следствием. Пусть так, пусть следствие, все равно ты получишь обещанные два миллиона долларов. И сможешь жить как человек, обеспеченный человек! Ну зачем тебе наши жизни? Зачем и себя в могилу загоняешь? У нас еще есть время договориться! Скажу больше. Потапову помогут насчет тебя. Солидные люди помогут. Ты будешь свободен и богат, майор!

Москвитин мрачно взглянул на Большакова:

— Помогут, говоришь? Два «лимона» баксов, говоришь?

Оболенский предложил:

— Три, майор, три миллиона долларов!

— Хм! А как же те женщины и дети, которых я убил благодаря подставе, организованной вами?

Большаков поднял руки:

— Клянусь всем святым, я к этому никакого отношения не имею! Честное слово!

Летчик буркнул:

— Я тоже! К тому, что произошло с тобой, ни я, ни Николай Васильевич никакого отношения не имеем!

Майор перевел взгляд на Оболенского:

— Слышишь, Петр Константинович? Похоже, твоя судьба твоим же подельникам совершенно безразлична. Им бы самим спастись! Хорошая компания! Повадки шакалов!

Руководитель спецслужбы только сплюнул на пол, бросив бывшим товарищам по преступному бизнесу:

— Ну и суки же вы!

Москвитин, взглянув на часы, посмотрел на высокий сейф, стоявший в углу и оставляющий узкое пространство до стены. Наверное, оружейный шкаф. Достаточно объемный и прочный. Нагнулся, но так, чтобы видеть «заложников», которые начали истерично ругаться между собой, достал из сумки две гранаты «Ф-1», зубами поочередно выдернул кольцо из каждой, держа в захвате предохранительные чеки убойных зарядов.

Зазвонил телефон.

Оболенский взглянул на Москвитина.

Тот приказал:

— Пододвинь аппарат ко мне и включи громкоговорящую связь!

Руководитель спецслужбы выполнил требование бывшего подчиненного. Он не видел ладоней майора, а соответственно, приведенных к бою мощных оборонительных гранат в них. Он еще питал надежду, как и Остапов с Большаковым, на то, что Москвитин примет и их предложение, и условие куратора ФСБ. Сейчас предатели думали об одном: вырваться живыми из грозящего стать общим склепом проклятого кабинета дачи Оболенского.

Андрей же ответил так, как он это делал не раз, находясь на боевом выходе:

— Моски́т на связи!

— Генерал Потапов! Я слушаю твоё решение, майор!

— Ну, слушайте, Николай Викторович. По закону высшей справедливости, Оболенский, Остапов и Большаков за измену Родине приговариваются к смертной казни! Приговор окончательный, обжалованию не подлежит, приводится в исполнение немедленно!

Услышав слова майора, оборотни с истерическим воплем сорвались с мест. Оболенский кинулся к окну, словно забыв, что в его особняке все они забраны крепкими решетками. Остапов — к дивану, надеясь найти защиту там, Большаков под стол. Бывший руководитель спецслужбы успел выкрикнуть, чтобы его через микрофон работающего в режиме громкоговорящей связи телефона услышал Куратор:

— Потапов, штурмуй дом!

И сжался комком в углу комнаты.

Андрей, поднявшись, бросил гранаты в разные стороны, сам же юркнул за оружейный сейф.

Через секунду два мощных взрыва, практически слившись в один, потрясли особняк.

Стоявший на площадке перед зданием Потапов невольно пригнулся, когда из окон кабинета мелкими осколками стекла, срывая решетки, пробилась взрывная волна. Пригнулись и бойцы спецназа, так и не начавшие штурм. Затем все стихло. Генерал позвал к себе двух офицеров, что-то приказал им, и они рванулись в здание. Из черных проемов второго этажа валил дым. Но и он быстро рассеялся.

Потапов снял фуражку, вытер платком вспотевшее лицо, приказал стоявшему рядом майору, командиру штурмовой группы ФСБ:

— Давай людей внутрь, Сережа! Там должны быть супруга Оболенского и несколько человек охраны. Выведи их. Потом... потом... трупы, вернее, то, что от них оста-

лось! Учти, внутри Степашин с Дубининым выполняют особое задание! Им не мешать, что бы они ни делали!

Майор ответил:

— Есть!

И спросил:

— А вы, товарищ генерал-лейтенант, допускаете, что этот Москвитин оставил охрану и даму в живых?

— Я уверен в этом! Короче, приказ ясен?

— Так точно!

— Выполняй! И еще организуй оцепление усадьбы!

— А трупы куда?

Потапов сорвался:

— Ко мне домой, твою мать! Не знаешь, куда трупы отправляют?

— Извините, товарищ генерал! Все понял!

— А понял, какого хрена стоишь? Работай! Я с докладом в Управление! Буду нужен, найдешь по мобильнику. Все. Вперед!

Майор отдал приказ на срочное построение личного состава своей штурмовой группы.

Потапов же, сев на заднее сиденье «Мерседеса», закурил. Водитель, прекрасно знавший характер и привычки шефа, заведя двигатель и, положив руки на руль, ждал команды трогаться. Но генерал молчал. Он смотрел на черные проемы окон кабинета Оболенского. Вскоре раздался сигнал вызова на его станции. Куратор, выслушав сообщение, проговорил:

— Хорошо! Присоединяйтесь к основной группе!

Прозвучал сигнал вызова спутникового аппарата.

Машина Куратора была оснащена системой космической связи. Генерал снял с боковой панели трубку, напоминающую небольшую портативную рацию.

— Генерал Потапов.

— Полковник Карцев.

— Я ждал твоего звонка. И вопрос, который задашь, предугадываю. Поэтому сообщаю, Москиг уничтожил

Оболенского, а вместе с ним еще пару высокопоставленных оборотней!

— А сам?

— Что сам?

— Андрей как?

— Андрей? Погиб, полковник! Подорвал себя в кабинете Оболенского, заодно и всех остальных. Такие вот дела!

Молчание немного затянулось, затем полковник попросил:

— Разрешите прилететь на похороны Москвитина?

Потапов ответил, не раздумывая:

— Прилетай! И вещи все свои прихвати. Службу принимать будешь! Вместо Оболенского. Твое новое назначение я согласую сегодня же, завтра получишь приказ.

— Есть!

— У тебя все?

— Вы видели, как все произошло на даче Оболенского?

— Откуда я мог видеть, как складывалась обстановка в кабинете? Но связь с Андреем держал вплоть до подрыва. Встретимся, расскажу подробности. Ты это хотел услышать?

— Да.

— Тогда отбой, полковник!

— Отбой!

Потапов повесил на место трубку спутниковой связи, приказав водителю:

— На Лубянку!

* * *

Похороны Москвитина состоялись в среду, 23 июня. Майора хоронили в закрытом гробу на Дальнем кладбище, в самом его конце, у оврага, где в ряд стояли десятка два одинаковых памятников. Если можно назвать памят-

ником небольшую гранитную плиту, на которой значились только фамилия, имя, отчество, а также даты рождения и смерти. И больше ничего, никаких фотографий, ритуальных рисунков, надписей, никакой должности и воинского звания. Здесь лежали погибшие офицеры спецслужб. Гриф секретности сопровождал их и после смерти, отраженный скудной информацией на отшлифованном граните. Грузовая «Газель» и два «Мерседеса» подъехали к черной яме на краю аллеи ровно в 11.00. Стоявшая последнюю неделю теплая солнечная погода сегодня с утра вдруг сменилась ненастьем. Тучи не полетному затянули небо, и начался мелкий, нудный затяжной дождь. У могилы до прибытия траурного кортежа уже находились люди. Четверо крепких парней извлекли из кузова «Газели» обитый кумачом гроб. Недорогой, простой, самый обыкновенный. Появились два табурета, на которые установили его. «Газель» отъехала, из иномарки вышло еще четверо человек. Среди них генерал-лейтенант и полковник в парадной форме. Остальные в черных строгих костюмах.

Потапов, вздохнув, предложил:

— Пройдемте к гробу!

Генерал, произнеся небольшую речь, передал слово полковнику. Тот также был краток и мрачен. Среди бойцов спецназа не принято говорить пафосные фразы. Как только Карцев отошел в сторону, работники кладбища опустили гроб в могилу. И уже через несколько минут на месте ямы вырос высокий холм с обелиском, который покрыли венки, извлеченные из той же «Газели».

А вскоре автомобили увезли сотрудников спецслужбы.

После того, как аллея опустела, к свежей могиле подошел человек в черной одежде и таких же черных, скрывающих лицо очках. Он посмотрел на памятник, чему-то усмехнулся, достал сотовый телефон, набрал нужный номер.

Ему ответили тут же:

— Потапов слушает!

— Москист на связи! У меня к вам претензии, Николай Викторович!

— Да? И в чем они заключаются?

— Похороны прошли как-то казенно и скучно! Я думал, что заслужил более торжественный церемониал.

Генерал заверил:

— Претензии принял! В следующий раз я устрою тебе более пышное погребение, с артиллерийским салютом! Кстати, как устроился в Переславле, господин Сургин Андрей Семенович? Или и там у тебя к своему новому положению имеются претензии?

— Нет, в Переславле все в порядке! Что будем делать дальше? Я долго находиться в отстое не привык!

— Осваивай пока жизнь коммерсанта и привычки меняй. Как будешь нужен, вызову. Это все!

— Принял, босс! До связи, надеюсь, скорой!

Майор Москвитин, оставшийся в живых после подрыва кабинета Оболенского и выведенный из здания людьми генерала Потапова, еще раз бросил взгляд на скорбную надгробную плиту, поправил венки и пошел в сторону, противоположную центральному кладбищенскому входу. К новой жизни и новой службе! Под другим именем, с немного измененной внешностью, но с прежней целью — бороться со Злом!